

Казалось, все испытал, через все прошел Яцек Пальевич, путешественник и альпинист, основатель знаменитой школы выживания, что расположена под Миланом. Но такого в его биографии еще не было: вместе с будущими советскими космонавтами он принял участие в эксперименте, смысл которого — выжить в экстремальных условиях заполярной тундры.

О том, как это было, Яцек рассказывает сам — в материале, специально написанном для нашего еженедельника.

Ни для кого не секрет, что профессия космонавтов сопряжена с повышенным риском. В космических полетах новейшая техника используется на пределе ее возможностей, хотя, конечно, применяются многочисленные высоконадежные системы безопасности, призванные свести этот риск к минимуму.

И тем не менее неудачи, несчастные случаи, трагедии еще имеют место, а значит, в экстремальной ситуации, когда техника подводит, — человек должен рассчитывать только на самого себя. Поэтому в программе подготовки космонавтов (а она длится годы) обучению выживанию отведено немалое место: Это важная часть

С КОСМОНАВТАМИ

ко» 35-градусными морозами и ветром 18 м/сек, что реально соответствовало температуре минус 70 и даже еще ниже. Я знал, что и для меня это будет непросто испытанием, хотя в моем активе уже есть экспедиция на полюс холода в Сибири и зимнее восхождение на Анnapурну в Гималаях. Мои товарищи, хорошо понимающие всю важность этого испытания для их незаурядной карьеры, были преисполнены железной решимости идти до конца.

Я был включен в первую из двух групп (в каждой по три человека) вместе с Александром Андриушковым и Владимиром Караштиным. Мы должны были после

ограниченное пространство затрудняет движения. Но вот обогрев прекращается, и космонавты начинают все сильнее ощущать холод. На стенке кабины намерзает лед; видно, как пар идет из рта. Когда терпеть холод, несмотря на теплую одежду, становится невыносимо, Саша и Володя покидают аппарат.

Врачи по радио спрашивают: какая температура? Какое настроение? «Все в порядке, все хорошо», — отвечает Андриушков. Другого ответа я и не ждал от людей, столь подготовленных. Да и вся эта страна переживает сейчас нужду и лишения в результате тяжелейшего экономического кризиса, так что выживание здесь стало почти привычкой.

Оба моих товарища продемонстрировали во время эксперимента замечательное самообладание и исключительную силу воли. Но их простота и стойкость не имеют ничего общего с суперменством. В самом деле, в отряде

зусловно необходимые качества для выживания.

Маленьким тесаком, который на вооружении у космонавтов, нарезаем блоки спрессованного снега — он наилучшим образом сберегает тепло. Отказываемся от мысли соорудить хижину «иглу» (то есть зимнее жилище канадских эскимосов куполообразной формы, сложенное из снежных блоков.

Примечание переводчика): это требует много времени. Удовольствуемся приютом попроще. Строим прямоугольное жилище — четыре стены высотой примерно 130 см — и накрываем его кусками парашюта. Вокруг нашей «территории» сооружаем заслон из всего, что только можно было снять с «Союза». Нагреваем воду из наших запасов, прежде чем она замерзнет окончательно. Глоток горячего кофе — единственная роскошь, которую мы можем себе позволить в этих условиях. Съедаем плитку пемикана — очень калорийного, богатого протеинами и жира-

сожалению, и это чувство благополучия недолговечно, организм начинает постепенно и все быстрее охлаждаться. В тело прокрался холод. Советую моим товарищам делать гримасы, чтобы усилить кровоток в сосудах лица, непрерывно двигать пальцами ног, согреть руки под мышками. Но это лишь на короткое время приносит облегчение.

Через несколько часов температура тела падает на несколько градусов. Мы поднимаемся по очереди, чтобы сделать интенсивную разминку, но это согревает всего на несколько минут, и холод снова неумолимо скывывает все тело. Наваливается усталость. Подкрадывающаяся сонливость мешает реагировать на холод. Беда, однако, тому, кто забудется надолго: его подстергает «белая смерть», когда холод подточил волю и привел в оцепенение дух.

Пuls слабый, едва прощупывается. Сонливость нарастает. Чтобы поддержать слабеющий дух, рассказываю друзьям историю pilota Гийоме, как ее поведал Антуан де Сент-Экзюпери.

Этот pilot упал в Андах и пять дней и четыре ночи в тяжелейших условиях боролся за жизнь. «То, что я сделал, не по силам ни одному животному на свете», — сказал он потом. Я часто вспоминаю эти слова, лучшие, какие я только знаю, — в них гимн воле, замечательному человеческому качеству, преодолевающему все мыслимые и немыслимые биологические границы.

Саша — ему 42 года, полковник, в прошлом летчик-испытатель, а ныне журналист — отвечает медикам спокойным голосом: да, немного холодно, но все нормально, все в порядке. А температура тела продолжает падать. Коченеют мышцы, наступает общее состояние оцепенения, сознание затемнено, все режет проблески в нем. Надо с этим бороться! Не останавливаться ни на минуту. Не поддаваться слабости! Немедленно разминку! Неважно, что внутри приюта трудно даже повернуться набок. Быстрее разминку, делать движения! Спротивляться всеми средствами, во что бы то ни стало! И так до самого утра.

Завершая наш эксперимент, подаем дымовой сигнал — разжигаем костер, стреляем из ракетниц в парашют — имитируем сигнал о помощи. И, наконец, попав в руки медиков и психолога, позволяем себе выпить большую чашку обжигающего чая.

Мы сидим втроем за столом и едим горячую пищу, а журналист и полковник Валерий Бабардин и врач Василий Лукьянок в это время готовятся повторить наш эксперимент. Дай Бог, чтоб этот опыт никогда нам в жизни не пригодился, но в любом случае этот эксперимент обогатил нас представлениями о наших возможностях, об умении выстоять, выжить в самых экстремальных условиях.

Перевел с итальянского Ю. КОСТИНСКИЙ.

Фото И. Михайлова.

ЕСЛИ УСНЕШЬ, ПРИДЕТ

подготовки, и она ориентирована на обстоятельства, когда экипаж по тем или иным причинам приземляется далеко от заданного места посадки. Первый раз это случилось с А. Леоновым и П. Беляевым в 1965 году. Космонавты провели ночь в глухой сибирской тайге, в стужу, и были обнаружены и вызволены из плена лишь спустя 30 часов после посадки. Это-то происшествие и убедило руководителей советской космической программы в необходимости обучения будущих космонавтов навыкам выживания в чрезвычайных ситуациях. То, что такая подготовка пошла на пользу, подтвердилось спустя 10 лет, когда спускаемый аппарат с В. Лазаревым и О. Макаровым приземлился в горах Алтая. Хорошая выучка оказала большую услугу попавшим в беду космонавтам в этой совершенно необитаемой местности.

Времена в Советском Союзе радикально меняются. Еще несколько лет назад имена тех, кто готовился к космическим полетам, держали в строжайшей тайне. А теперь проходить подготовку в советском космическом центре может даже иностранец. Разрешение на это дает генерал Владимир Шаталов.

Школа выживания, которой я руковожу в Италии, известна в Советском Союзе, и специалисты, ответственные здесь за подготовку космонавтов, заинтересовались нашей программой и методами обучения. Вот почему передо мной раскрылись двери «академии космонавтов» — Звездного городка, что недалеко от Москвы. На военном самолете нас доставили в Воркуту, город за Полярным кругом, — в этом регионе намечалась наша акция «Выживание». Руководил операцией полковник Евгений Холудев, человек, который никогда не теряет спокойствия и доброго расположения духа. «Наша задача, — говорил он, — научить космонавтов уметь вести себя в суровой обстановке, в безлюдной местности, когда возможность выжить зависит исключительно от их воли и способности сопротивляться обстоятельствам.

Север встретил нас «толь-

«БЕЛАЯ СМЕРТЬ»

В ЛЕДЯНОМ ДОМЕ — ВМЕСТЕ

«приземления» космического аппарата в тундре продолжаться в условиях арктического холода в течение 48 часов.

После тщательного медицинского и психологических тестов следовала церемония облачения в космические одежды, очень напоминающая ритуал обрядов торадора. Техники помогли напаять скафандр, вынуждающий космонавта сидеть в наклонном положении, соответственно форме кресла. На специальном вертолете, предназначенном для спасательных целей, нас доставили в кабине «Союза», предварительно нагретой до 20 градусов.

...Мои товарищи размещаются в приземлившемся аппарате, а я остаюсь снаружи, где неистовствует ветер. Первое время в кабине нормально, даже притом, что

космонавтов никто не чувствует себя этаким Рэмбо, хотя своими моральными качествами они, пожалуй, превосходят знаменитого киногероя. Да, у них отличное здоровье, они твердо верят в то, что делают, полны оптимизма и еще больше — мужества.

...И вот они оказались за пределами космического аппарата. Первостепенная задача — соорудить какое-либо убежище. Готовим средства сигнализации, но знаем, что раньше завтрашнего дня ни от кого помощи не будет. Мы, конечно, находимся в смоделированной ситуации и в экстремном случае можем рассчитывать на поддержку. Много хуже пришлось бы тем, для кого эта ситуация оказалась не смоделированной, а реальной. Но в любом случае воля, самоконтроль, уверенность и хладнокровие — бе-

ми. И довольно вкусного, сравнительно с другими брикетами для этих целей.

Володя, который обычно много курит, страдает из-за отсутствия сигарет, но, будучи медиком, хорошо знает, что никотин вызывает спазм сосудов, потому курить в нашем положении — смерти подобно. По очереди наблюдаем друг за другом, не появились ли белые пятна на щеках и носу, — это начало обморожения. Теплой ладонью трем эти места. Пальцы рук у меня, когда-то отмороженные, очень чувствительны и причиняют страдания.

Вторую ночь проводим в нашем убежище, в условиях относительно комфортных сравнительно с тем, что творится за его стенами, где по-прежнему беснуется ветер. Внутри, в «доме», температура «только» минус 21. К